

**ОТЗЫВ официального оппонента
о диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук Москвина Георгия Владимировича
на тему: «Динамика развития прозы М.Ю. Лермонтова: генезис, стиль,
идея» по специальности 5.9.1 – «Русская литература и литературы
народов Российской Федерации»**

Диссертационное исследование Георгия Владимировича Москвина – фундаментальный труд, имеющий все обязательные для научной работы признаки новизны, актуальности и достоверности полученных результатов.

Одна из важнейших задач диссертации – обоснование необходимости обращения Лермонтова к прозе. Уже сама постановка вопроса такого плана заслуживает всяческой поддержки. Если в отношении, скажем, Пушкина причины перехода к прозаическому письму в научной литературе обстоятельно обсуждалась, то в отношении Лермонтова – еще явно недостаточно.

Представляется весьма продуктивным и ценным, что разговор о становлении прозы ведется с учетом контекста всего лермонтовского творчества. И этот контекст выступает в диссертации не просто как фон, а как то, без чего проза Лермонтова не могла бы состояться. Масштаб исследования, поставленные в нем цели и задачи несомненно соответствуют уровню докторской диссертации.

Общее впечатление от работы Г.В. Москвина весьма позитивное. Диссертация Г.В. Москвина – результат упорного долголетнего и кропотливого труда, по сути своей, далеко выходящий за рамки заявленной темы. Проза рассматривается не сама по себе, но в связи с общим ландшафтом творчества Лермонтова. При этом Г.В. Москвин видит не только общие очертания лермонтовского «пейзажа», но и отдельные его штрихи. Те же скрупулезность и основательность наблюдается и в отношении и творческой истории произведения, равно как и биографического плана в целом. Заслуживают внимания размышления автора диссертации о поэтике Лермонтова, в частности – о «картинной» манере его изобразительного письма.

Исследования масштаба докторской диссертации не могут обойтись без концепции. И в диссертации Г.В. Москвина она есть.

Одна из идей, образующих эту концепцию, состоит в том, что логика творчества Лермонтова во многом определяются логикой и динамикой становления его прозы. «Творческая деятельность Лермонтова получает импульсы, так сказать, прозаическими волнами; последняя, четвертая волна наметилась в повести «Штосс» («У графа В... был музыкальный вечер») и очерке «Кавказец» в 1841 г.» (с. 63 диссер.). Как полагает Г.В. Москвин, обращение к прозе связывается у Лермонтова с потребностью соотнесения в едином текстовом пространстве всех интенциональных векторов, по отдельности проявившихся в других родах и жанрах – в поэзии, в лиро-эпике и в драматургии. Согласно этой гипотезе, движение Лермонтова в сторону прозы было обусловлено не желанием отказаться от «непригодных» жанровых форм, а потребностью компенсировать их «слабые места» в едином творческом акте, в слиянии, как выражается исследователь, жанрово-стилевых потоков. Роман, как полагает Г.В. Москвин, и становится для Лермонтова той жанровой формой, «которая смогла вобрать в себя эти потоки» (с. 89 диссер.).

Другим не менее значимым стимулом, направляющим Лермонтова к прозе и романной форме следует считать, по мнению исследователя, стремление писателя к поиску героическо-деятельной личности. Этим во многом и обусловлен, как полагает Г.В. Москвин, интерес Лермонтова к истории. Интерес этот прослеживается и в тяготении Лермонтова к жанрам исторической поэмы и исторического романа («Вадим»). При этом, однако, очевидно, что у Лермонтова в этих произведениях личностный и исторический планы как бы существуют по-отдельности: исторический фон меняется, а «лермонтовская» ситуация сохраняет устойчивую конфигурацию. Как считает Г.В. Москвин, эти творческие «неудачи» имели для Лермонтова позитивное значение. С точки зрения ученого, они указали на «художественную несовместимость

эпического сюжета и героико-романтической интерпретации личности героя» (с. 94 диссер.).

Выдвинутое Г.В. Москвиным предположение, согласно которому в определенный момент Лермонтов пришел к осознанию того, что не только в поэзии, но и в прозе переживаемое непосредственно здесь и сейчас *настоящее* важнее требующего эпической дистанции *былого*, представляется верным и убедительным. Осознание приоритетности такой установки, по всей видимости, стало важным шагом на пути к роману, позволяющему автору, как сказал бы М.М. Бахтин, «изображать событие на одном ценностно-временном уровне с самим собой и со своими современниками». Таким образом, Печорин связывается не с историческим, а с настоящим временем, которое уже только потому, что оно настоящее, лишает его возможности быть героем в эпическом смысле. Однако, с точки зрения Г.В. Москвина, это вовсе не означает, что поиск Лермонтовым героическо-деятельной личности не увенчался успехом.

В диссертации есть место, которое в этой связи хотелось бы прояснить. Вот оно: «Историческая литературная заслуга Лермонтова состоит в преодолении мощной характерологической традиции романтизма и создании на ее основе национального характера» (с. 133 диссер.). В диссертации проводится мысль о том, что логика движения в сторону национального характера связана со стратегией защиты Лермонтовым своих героев от «романтической уязвимости». Г.В. Москвин пишет: «автор последовательно изыскивает средства защитить их от нападений внешнего мира. Герой Лермонтова более не может оказаться слабой жертвой интриг и обстоятельств, нелепо погибнуть или стать посмешищем, играть жалкую роль в любовном конфликте и т. п.» (с. 139 диссер.). С точки зрения Г.В. Москвина, авторской «индульгенцией» обладает уже Вадим: он «тверже и сильнее всех, несмотря на измену» (с. 139 диссер.). Получает защиту от автора и Жорж Печорин в «Княгине Лиговской»: по воле автора он избегает скандальной истории с чи-

новником Красинским или нелепого положения в интригах с Лизой Негуровой. А завершает этот ряд Печорин, получивший от Лермонтова, как полагает Г.В. Москвин, наивысшую степень защищенности. «Можно считать, что цель Лермонтова – создать жизнеспособный и перспективный тип национального героя, однако, просматривается здесь и не менее глубокая по смыслу установка: любой – разрушительный или позитивный – результат его поступков исходит не из внешних обстоятельств, а всегда порождается исключительно и только им самим» (с. 139 диссер.). Такого рода защита и позволяет «герою времени» быть независимым и от людей, и от обстоятельств. Хотелось бы уточнить, следует ли из сказанного, что представление о национальном характере связывается у Лермонтова с представлением о суверенности личности печоринского типа?

Еще одна важная для диссертации идея состоит в том, что движение Лермонтова в сторону прозы связано с его стремлением к преодолению идейных и стилистических противоречий. С точки зрения автора диссертации, к 1837 году в творчестве Лермонтова выработалась новая художественная система, позволившая ему «создать произведения, совершенные, целостные в согласовании всех элементов их поэтики» (с. 5 диссер.).

Это преодоление, по мнению Г.В. Москвина, имело тесную связь с проблемой биографического свойства, требовавшей разрешения ситуации «поражения в любви». По сути дела, в этой части диссертации речь идет о предпринимаемых Лермонтовым попытках преодоления психических комплексов путем их сублимации в художественном творчестве. Как полагает Г.В. Москвин, «роман «Княгиня Лиговская» задумывался как литературный опыт, призванный художественно освоить и тем самым преодолеть ситуацию поражения любви, особенно в Ивановском цикле, драме «Странный человек», романе «Вадим»... Герой должен избавиться от прежних неудач и предупредить их в будущем...» (с. 232 диссер.). С этих позиций незавершенность первых прозаических текстов объясняется

Г.В. Москвиным в том числе и тесно между собой связанными художественными и биографическими причинами. К примеру, в «Княгине Лиговской» «цель не достигалась, поскольку на создание художественного текста оказывала чрезмерное влияние память обид шестилетней давности на насмешливое отношение Сушковой к юному Лермонтову» (с. 233 диссер).

Соотношение художественного и биографического в творчестве Лермонтова – еще один важный аспект диссертации. Думается, что Г.В. Москвину удалось не только указать на уникальную сопряженность биографического и художественного планов в творчестве Лермонтова, но и раскрыть ее творческий потенциал. Благодаря особому «содружеству» художественного и биографического личностный план способен возвышаться у Лермонтова до общечеловеческого и философско-художественного: от «поражения в любви» до, как выразительно определено в диссертации, – «поражения любви».

Надо сказать, что склонность к предельной степени обобщения одна из заметных черт мыслительной манеры автора диссертации. Лаконичность и емкость формулировок – ее яркая стилевая особенность. Иногда, правда, возникает ощущение, ее некоторой чрезмерности. К примеру, Г.В. Москвин выдвигает пять максим (по количеству повестей) духовного фундамента, на котором строится образ Печорина. Эти максимы настолько широки, что иногда невольно обедняют сделанные самим же Г.В. Москвиным конкретные глубокие наблюдения.

Несколько вопросов и соображений полемического характера.

Можно ли представить логику лермонтовского творческого процесса не как логику поступательного движения, а как логику самоотрицания? Первая предлагает нам представить картину, на которой мы увидим целеустремленного поэта, достигающего вершины творчества за счет умения извлекать из ошибок позитивный опыт. Вторая – увидеть поэта, который то и дело разочаровывается в том, что он делает и идет против самого себя. Каждый новый этап его творчества начинается с отрицания предыдущего. И с точки

зрения отрицательной логики на роман «Герой нашего времени» следует смотреть не как на закономерный итог, синтезирующий предшествующий опыт, а как на камень (если воспользоваться фразеологией Печорина), только брошенный не Печориным, а Лермонтовым, и не в гладкий источник, а в собственное творчество. Ведь и в самом деле в этом романе Лермонтов создает такого героя, который по сравнению с его предшественниками наделен всеми признаками антигероя. В отличие от них, он и в самом деле ни от кого и ни от чего не зависит. И если его предшественники терпели поражение в любви, то он не терпит. Без ответной любви остается не Печорин, а те, кто его окружает. А вот если бы случилось так, что Печорин сам обрел бы способность к ответу (что означало бы его кардинальное внутреннее изменение), то для романа это стало бы событием, как говорится, «космического» масштаба.

Этого не случилось. Однако сама постановка вопроса о необходимости внутреннего изменения безусловно и придает роману то духовное измерение, о котором развернуто и обстоятельно говорится Г.В. Москвиным в соответствующей части его диссертации. В этих главах диссертации изобилует интересные и продуктивные наблюдения, позволяющие увидеть в романе Лермонтова очень значимую и для него и для всего творчества систему координат, прочерченную библейской топикой и символикой. Обнаружение и раскрытие присущих Лермонтову «мистериальных смыслов» следует рассматривать как значительное достижение исследования Г.В. Москвина.

Нет никаких сомнений, что мы имеем дело с оригинальным исследованием, вносящим весомый вклад в изучение творчества М.Ю. Лермонтова. Сделанные замечания и полемического характера соразмышления ни в коей мере не умаляют значимости диссертационного исследования.

Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.9.1 –

«Русская литература и литературы народов Российской Федерации» (по филологическим наукам) и критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова. Оформление диссертации отвечает требованиям, сформулированным в приложениях № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Таким образом, соискатель Москвин Георгий Владимирович заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.1 – «Русская литература и литературы народов Российской Федерации».

Официальный оппонент:

доктор филологических наук,
профессор кафедры теории, истории и методики
преподавания русского языка и литературы
гуманитарного факультета
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный
педагогический университет»

Савинков Сергей Владимирович

04.04.2023

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация: 10.01.01 – русская литература

394043, г. Воронеж, ул. Ленина, д. 86, третий учебный корпус, ком.308
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет»,
гуманитарный факультет, кафедра теории, истории и методики преподавания
русского языка и литературы
Тел. +7(473) 239-08-24; e-mail: kafedra.tim@yandex.ru

Подпись сотрудника Воронежского государственного педагогического уни-
верситета С.В. Савинкова удостоверяю:

04.04.2023